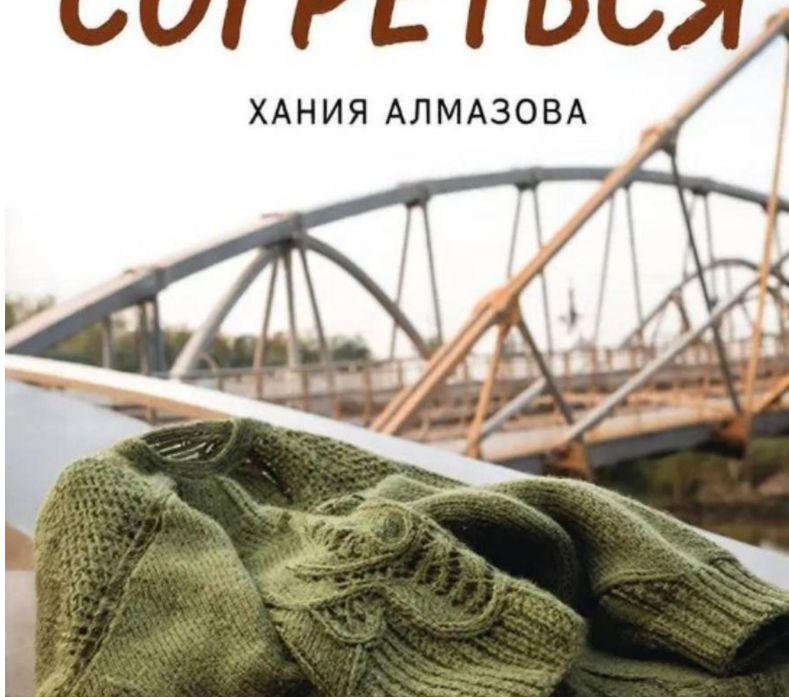

ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ СОГРЕТЬСЯ

ХАНИЯ АЛМАЗОВА

Хания Алмазова

Забыть нельзя согреться

<https://litres.ru/73285257>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга - история оттепели.

Как два человека обнаруживают себя по разные стороны непроницаемого стекла молчания. Их брак стал идеальной витриной. Но за стеклом — пустота и холод, в которых замерзают последние отголоски прошлой близости.

Всё меняет невыносимое осознание: так больше нельзя. Отчаянный порыв одного из них становится первым шагом в сторону другого. Сквозь метель обид они начинают пробиваться навстречу. Их путь будет вымошен не грандиозными жестами, а малыми, хрупкими шагами.

Забыть нельзя согреться.

От того, где поставить запятую, зависит всё. Поставить её после «забыть» — значит сдаться. После «нельзя» — найти в себе силы начать всё сначала.

Их путь — это путь от ледяного «забыть» к хрупкому «согреться».

Это роман о мужестве снова учиться простым вещам. О том, что тепло не приходит само — его кропотливо вяжут из забытых петель, лепят из холодной глины.

Для всех, кто верит, что даже после самой долгой зимы
возможна весна.

Не внезапная и не идеальная.

Но — настоящая.

Хания Алмазова

Забывать нельзя согреться

Часть первая: Засуха в саду

Глава 1: Фонограмма обычного дня

Дождь в Гамбурге в тот ноябрьский день не обрушился с небес, а возник из самого воздуха, как серая, холодная мгла. Он не стучал по крышам, а висел неподвижной водяной пылью, пропитывая шерсть пальто, кожу, мысли. Виктория – Вики, – стояла у окна кофейни «Маленькая пауза», и её собственное отражение в тёмном стекле казалось ей призрачным, почти растворившимся в серости за окном.

«Маленькая пауза». Ирония этой вывески никогда прежде не казалась ей такой горькой. Вся её жизнь превратилась в одну сплошную паузу. Паузу между обязанностями, между ожиданиями других людей, между утраченным прошлым и не наступающим будущим.

– Фрау Браун! Капучино и яблочный штрудель? Как обычно?

Макс, бариста лет двадцати пяти с печальными глазами и гитарными струнами, татуированными на предплечье, уже поворачивался к кофемашине. Его движения были отработаны до автоматизма, как и её ответ. Он знал её заказ уже три года. За эти три года они ни разу не поговорили ни о чём, кроме погоды и качества штруделя. И всё же он был од-

ним из самых стабильных элементов её вселенной. Его «как обычно?» было метрономом, отбивающим такт её застывшей жизни.

– Да, Макс. Спасибо.

Она села за свой столик у окна – тот самый, что был чуть дальше от входа, под полкой со старыми книгами, которые никто не брал. Достала телефон. Экран осветил её лицо холодным синим светом. Иконки приложений выстроились в безупречный порядок. Она провела пальцем, нашла имя «Лия». Дочь. Их единственный ребёнок, уехавший в Берлин два года назад изучать историю искусства. Фотография на аватаре – Лия смеётся, запрокинув голову, на фоне Берлинской стены, расписанной граффити. Такая живая, такая свободная. Вики иногда ловила себя на мысли, что смотрит на фото дочери с чувством, близким к зависти. Ей казалось, что Лия унаследовала не её черты, а её давно утраченную способность радоваться жизни.

Позвонить? Написать? Звонок требовал эмоциональных сил, которых у неё не оставалось. Сообщение можно было тщательно выверить, отшлифовать, лишить всякой искренности. Она выбрала звонок. Нажала кнопку. Слушала длинные гудки, глядя на то, как за окном капли, наконец набравшие вес, начинают медленно сползать по стеклу.

Трубку взяли на четвёртом гудке.

– Мама, привет! – голос Лии звенел, но этот звон был немного форсированным, как будто она застала дочь в дви-

жении, среди шума.

– Лия, родная. Как ты? Как твоё самочувствие? Ты говорила, что горло болит.

– Всё прошло, мам, не волнуйся! Просто простудилась немного. Слушай, у нас тут сумасшедший темп! Завтра презентация по Баухаусу, я всю ночь просидела за макетом. Представляешь? Получилось огонь!

Вики представила. Представила свою дочь, сторбившуюся над столом в своей берлинской комнатке в общежитии, с красными от усталости глазами, но с горящим энтузиазмом взглядом. Этого огня в её собственных глазах не было уже лет пятнадцать. С того самого момента, как она поняла, что её брак – это не вечный двигатель счастья, а сложный механизм, который требует постоянной настройки, а она потеряла инструкцию.

– Это прекрасно, дорогая. Только не переработайся, пожалуйста. Спи хоть иногда.

– Успею отоспаться на пенсии, – засмеялась Лия, и в её смехе слышалась та же усталость, что и в голосе Вики, но приправленная молодостью и целеустремлённостью. – Кстати, мам... ты не могла бы перевести мне немного? Тот курс по кураторству в Новой национальной галерее, я тебе про него писала, там нужно внести депозит до пятницы, иначе

место уйдёт.

– Конечно, – автоматически ответила Вики, и где-то на задворках сознания мелькнула мысль: «Опять. Разговор всегда заканчивается этим. Практическим. Осязаемым. Там, где заканчиваются мои силы, начинаются мои деньги». – Сколько?

– Триста семьдесят евро. Ты моя спасительница! Мне пора бежать, у нас через полчаса групповая консультация! Целую! Пока!

Щелчок. Тишина. Сорок девять секунд. Вики медленно опустила телефон на стол, рядом с неизменной белой кружкой с трещинкой, которую Макс уже ставил перед ней. Кружка была свидетелем. Свидетелем сотен таких же утра, таких же разговоров, такого же медленного растворения в рутине.

Она отхлебнула капучино. Идеальная температура, идеальная пенка. Макс был мастером своего дела. Её жизнь тоже была «идеальной» на первый взгляд. Виктория Браун, сорок пять лет. Редактор в престижном издательстве «Артефакт», специализирующемся на альбомах по современному искусству и архитектуре. Замужем за Леоном Брауном, сорока девяти лет, ведущим инженером-проектировщиком в фирме «Брюккенбау», строящей мосты по всей Германии. Мать Лии, девятнадцати лет, студентки Свободного университета Берлина. Проживают в просторной трёхкомнатной квартире в престижном районе Альтона, с видом на порт. Идеальная

витрина. И за этой витриной – пустота, тихая, как в саркофаге. Она прикоснулась пальцем к холодному стеклу окна, повторив путь капли. Вот и она. Застывшая, прозрачная, не принадлежащая ни небу, ни земле.

Она открыла планшет, загрузила файл с корректурой нового альбома о швейцарском скульпторе. Её работа заключалась в том, чтобы чужие слова о форме, пространстве, эмоциях, вложенных в камень и металл, сделать безупречными. Она искала неточности, стилистические шероховатости, следила за логикой повествования. Она была акушеркой чужих мыслей, в то время как её собственные мысли давно перестали рождаться. Слова плыли перед глазами: «...синтез органического и геометрического... диалектика пустоты и наполненности...» Она мысленно вычеркнула «диалектика» и вписала «взаимодействие». Диалектика требовала спора, борьбы. В её жизни не осталось места ни для того, ни для другого. Только тихое, неподвижное взаимодействие с текстом, с чашкой кофе, с собственным отражением.

В 18:07, с точностью швейцарских часов, она вставила ключ в замок двери их квартиры. Звук щелчка был одиноким и громким в тишине подъезда. Она вошла, повесила пальто на вешалку в прихожей. Движения были экономны, отточены годами. Вечер вторника. Согласно неписаному, но неукоснительному распорядку, вторник был днём рыбы. Лосось на пару с брокколи и киноа. Леон следил за уровнем холестерина после того, как три года назад у его отца слу-

чился инфаркт. Она готовила. Он ел. Они иногда обменивались фразами. Это был ритуал, лишённый всякого сакрального смысла.

Она прошла в свою комнату, которую с некоторой натяжкой можно было назвать кабинетом. Узкое пространство, заставленное книжными стеллажами, стол с компьютером и графическим планшетом. На столе, рядом с клавиатурой, лежал каталог «Осенние мастер-классы в Школе прикладных искусств». Он был открыт на странице с курсом керамики. «Авторская чаша: от эскиза до обжига. Работа с глиной, глазурью, поиск индивидуального стиля. Ведущая – Анна Шмидт, член Союза художников Германии». Стоимость: 280 евро за восемь занятий. Дата начала – прошлая суббота. Вики обвела её в календаре ярким маркером месяц назад. И не поехала. В субботу утром она проснулась, посмотрела на этот маркер, и какая-то свинцовая усталость приковала её к постели. «В следующий раз», – прошептала она себе. Но «следующий раз» был призраком, который всегда отступал на шаг. Для него требовалось внутреннее разрешение – потратить время, деньги, душевные силы на себя. А она разучилась себе что-либо разрешать. Разрешать быть не только женой, матерью, редактором, но и просто человеком с глиняными руками и испачканным фартуком.

Её взгляд упал на единственную фотографию в этой комнате. Небольшая рамка на полке. Лето, кажется, 1998-й. Боденское озеро, городок Линдау. Они с Леоном стоят на фо-

не старого маяка. Ей двадцать три, ему двадцать семь. Он в простой белой футболке и шортах, загорелый, с лёгкой щетиной. Он обнимает её за плечи, а она, в лёгком сарафане, смеётся, запрокинув голову, и ветер срывает с её головы соломенную шляпу. Они оба смотрят в объектив, и их глаза сияют таким безудержным, немислимым сейчас счастьем, что от этой фотографии до сих пор веяло теплом. Куда делась та девушка, чей смех, казалось, можно было услышать сквозь время? И куда делся тот молодой человек, смотревший на неё так, будто она была центром его вселенной? Он превратился в человека, который смотрит сквозь неё, как сквозь прозрачное стекло. А она? Она превратилась в тень той смеющейся девушки, в её бледную, выцветшую копию.

Щелчок входной двери. Механический звук, врывающийся в её размышления.

– Я дома, – донёсся из прихожей ровный, слегка приглушённый голос Леона. В нём не было ни радости возвращения, ни усталости, ни раздражения. Он был плоским, как лист бумаги.

– Я на кухне, – откликнулась Вики, быстро закрыв каталог, будто пойманная на чём-то предосудительном, на слабости, на надежде.

Глава 2: Расчёты без переменных

Кабинет Леона Брауна на двенадцатом этаже офисного центра «Порталь» был образцом минимализма и функциональности. Большой L-образный стол, три монитора, на которых застыли трёхмерные модели, чертежи, графики нагрузок. На стене – дипломы, лицензия инженера-строителя, фотография самого большого его проекта – виадука где-то в Баварии. Ни одного лишнего предмета, ни одной пылинки. Порядок, который он не мог навести в собственной жизни.

Леон откинулся в кресле, разминая онемевшую шею. На центральном мониторе вращалась изящная цифровая модель пешеходно-велосипедного моста через один из гамбургских каналов. Стальная дуга, лёгкая, почти невесомая на вид, но рассчитанная выдержать тысячи тонн нагрузки, ураганные ветры, перепады температур. Каждый узел, каждый сварной шов, каждый болт были просчитаны с точностью до микрона. Этот мост простоят сто лет, если не больше. Мир инженерии был понятен Леону. Там были чёткие законы физики, формулы, которые не обманешь. Там не было места двусмысленностям, невысказанным обидам, тишине, которая кричит. Там напряжение в балке всегда можно было измерить в меганьютонах. А как измерить напряжение, которое висело в их гостиной? В каких единицах выразить вес молчания за ужином?

– Браун, друг, не превращайся в один из своих мостов!

Леон вздрогнул. Он не слышал, как вошёл Томас Бергер, его коллега и, в некотором смысле, антипод. Томас, вечный

холостяк лет пятидесяти, с ироничной усмешкой на лице и философией гедонизма, подошёл и похлопал Леона по плечу.

– Слышал, супруга в отъезде? У родителей? Идеальный момент вспомнить, что у тебя, кроме калькулятора в голове, есть и другие органы, требующие внимания. Пивбар «У старого дока», сегодня в семь. Будет пара наших из отдела проектирования, пара симпатичных девушек из маркетинга... Жизнь, брат, она мимо проходит, пока ты тут напряжения в фермах считаешь.

Леон заставил себя улыбнуться. Улыбка получилась напряжённой, искусственной, как на плохой фотографии.

– Спасибо за приглашение, Томас, но нужно доделать спецификации к утру. Клиент ждёт.

– Ну конечно, – фыркнул Томас.. – Ты всегда «доделываешь». А знаешь, в чём разница между нами? Я строю мосты, чтобы по ним ходили другие. А ты... ты сам превратился в мост. Неподвижный, надёжный, и все по тебе ходят. Но сам-то ты никуда не движешься. Свобода, Леон! Свобода – это когда тебе не нужно ни перед кем отчитываться, никого не разочаровывать, ни о ком думать. Высшая ценность.

– У каждого своё понятие свободы, – сухо парировал

Леон, чувствуя, как привычная, отполированная фраза сама срывается с языка. Но внутри что-то болезненно сжалось, как будто Томас ткнул пальцем в незаживающую рану. Свобода? Его жизнь была образцом несвободы, закованной в гранитный распорядок, в обязательства, которые он сам же на себя взвалил и больше не мог сбросить. Свобода кончилась двадцать лет назад, когда он сказал «да» в ратуше. Или нет, не тогда. Тогда это казалось самой большой свободой – свободой любить и быть любимым. Она кончилась позже, незаметно, исподволь.

– Ладно, ладно, – Томас махнул рукой. – Зови, если передумаешь. Девчонки будут ждать.

Он вышел, оставив после себя горькое послевкусие своих слов. Леон попытался снова сосредоточиться на мониторе, но цифры и линии поплыли перед глазами. Вместо стальных балок он видел лицо Вики вчера вечером. Их двадцатилетие свадьбы. Не круглая дата, не серебряная свадьба, но всё же – два десятилетия. Целая жизнь.

Он чувствовал тяжёлый, тёплый камень вины где-то в районе солнечного сплетения. Он забыл. Совсем. Вспомнил только вечером, когда уже выезжал в сторону дома, увидев напоминание в календаре телефона, которое он сам же и поставил месяц назад и благополучно проигнорировал. По дороге заскочил в дорогой бутик на Юнгфернштиг, купил первый попавшийся спа-сертификат на приличную сумму.

Практично. Полезно для здоровья. Она устаёт, это видно. Она оценит заботу. Так он убеждал себя, стоя в очереди к кассе, чувствуя себя не мужем, покупающим подарок жене, а менеджером, решающим проблему сотрудника.

Но когда он протянул ей тот бледно-бежевый, матовый конверт с элегантным логотипом, её лицо не осветилось. Оно будто покрылось тончайшей ледяной коркой – красивой, холодной и невероятно хрупкой. Она сказала «спасибо» таким тоном, будто он передал ей повестку в суд или счёт за несуществующую услугу. И в её глазах промелькнуло что-то такое, от чего ему стало стыдно, хотя он не понимал – за что.

Они ели при свечах, которые она, видимо, зажгла специально. И тишина между ними была не комфортной, а густой, как смола, в которой тонули любые попытки заговорить. Он хотел спросить о её дне, о новой книге, которую она правила, о чём-нибудь... но слова казались неподъёмными глыбами, которые нужно было вытащить из грудной клетки. Проще было сделать глоток рислинга, который оказался слишком сладким, и уткнуться в отчёт на планшете. Он слышал, как она молча убирает со стола, как бежит вода на кухне, как звенит посуда. Каждый звук был маленьким уколом, укором. Но укором чему? Он не понимал. Он обеспечивал семью, был надёжным, не пил, не изменял. Чего ещё было нужно? Чего ждала от него эта молчаливая, загадочная женщина, в чьих глазах когда-то плескалось целое озеро счастья, а теперь была лишь спокойная, непроницаемая гладь?

Выйдя из кабинета, чтобы налить себе кофе, он почти столкнулся с фрау Вебер. Маргарета Вебер, секретарша руководителя отдела, проработавшая в фирме со времён кульманов и ватмана, была живой легендой. Ей было за семьдесят, она носила строгие костюмы и очки в роговой оправе, и её мудрость была тихой, но неотвратимой, как течение реки.

– Осторожно, господин Браун, – сказала она, поправляя очки. – Вы сегодня будто не в этом измерении. Земля вас не притягивает.

Леон попытался улыбнуться.

– Всё в порядке, фрау Вебер. Просто много работы, голова забита цифрами.

– Работа – это важно, – кивнула она, и её взгляд стал пронизательным, почти рентгеновским. – Но знаете, я тут на днях перечитывала кое-какие старые записи... Самые прочные мосты, те, что стоят века, – они ведь не только из стали и бетона. Самый важный, невидимый элемент в них – внимание. Внимание к деталям, к мельчайшим стыкам, к едва заметным колебаниям при нагрузке. И их, как и всё живое, что мы ценим, нужно время от времени проверять. Не на прочность – её-то как раз рассчитать легко. А на трещины. На невидимые, внутренние трещины, которые появляются

от усталости металла, от перепадов температур... от невнимания. – Она помолчала, глядя на него поверх очков. – У меня с покойным мужем Фрицем было правило: каждый вечер, прежде чем заснуть, мы находили одну вещь, за которую были благодарны друг другу за прошедший день. Даже если день был ужасен. Даже если это было просто «спасибо, что не разлил кофе на мои чертежи». Это держало нас на плаву сорок лет. Хорошего вам дня, господин Браун.

Она кивнула и пошла дальше, постукивая невысокими каблуками по ламинату. Леон застыл с пустой кружкой в руках, ощущая, как её слова, тихие и размеренные, вонзаются в него, как иглы. Он только что проигнорировал важнейшее предупреждение на пульте управления собственной жизнью. Он не проверял их мост на трещины. Он даже не подходил к нему, боясь обнаружить, что он давно рухнул, и они просто живут среди воображаемых обломков.

По дороге домой, в бесконечной вечерней пробке у въезда в туннель под Эльбой, его накрыло волной беспомощной ярости – не на Вики, не на работу, а на самого себя. На свою неспособность говорить, чувствовать, видеть. Он сжал руль так, что костяшки пальцев побелели. В салоне пахло новым кожаным салоном и его собственным страхом. Страхом потерять то, что, казалось, уже давно потеряно. Страхом, что он опоздал. На двадцать лет опоздал начать благодарить её за то, что она просто была. Что она до сих пор тут, в этой машине, в этой жизни, хоть и стала призраком.

Глава 3: Геометрия одиночества

Тот вечер их двадцатилетия стоял перед Вики не как смутное воспоминание, а как детально проработанная, болезненно яркая картина, где каждый блик света кричал о крахе. Она могла бы нарисовать его с закрытыми глазами: тени от свечей, дрожащие на белой скатерти, отражение пламени в тёмном стекле вина, капелька воска, застывшая на старинном серебряном подсвечнике.

Она потратила два с половиной часа после работы, чтобы всё было безупречно. Скатерть – белоснежный итальянский лён, который они купили вместе во время единственной поездки во Флоренцию пять лет назад. Тогда они ещё разговаривали. Немного, с паузами, но говорили. Об архитектуре, о вине, о том, как Лия скучает дома с бабушкой. Фарфоровый сервиз «Мария-Терезия» в синих узорах – наследство от её бабушки, хранимое для особых случаев. Серебряные приборы, тщательно отполированные до зеркального блеска. Высокие восковые свечи в тяжёлых подсвечниках.

Она надела тёмно-синее платье из шёлка-сатина. Купила его давно, для какого-то корпоративного приёма в издательстве. Но один раз, много лет назад, когда она надела его просто так, вечером, Леон провёл пальцем по ткани и сказал, не глядя на неё, уткнувшись в газету: «Цвет твоих глаз в сумерках». Больше он никогда не упоминал об этом платье. Но с тех пор оно стало для неё закодированным посланием,

шифром, ключ к которому он, видимо, потерял. Она надела его сегодня в надежде, что может быть он вспомнит. Увидит. Узнает.

Она ждала. Сначала с лёгким, щекочущим нервы волнением, как в начале их отношений. Потом с нарастающей тревогой. Потом с тяжелеющей, тошнотворной горечью. Включила музыку – старый виниловый альбом Стефана Эйхельмана, джазового пианиста. Они слушали эту пластинку в её комнате в студенческом общежитии, когда только начали встречаться. Целовались, не обращая внимания на хохот и крики соседей за тонкой стенкой. Тогда музыка была саундтреком их счастья. Теперь она звучала как реквием.

Он вошёл в 20:43. Его лицо было маской профессиональной усталости, которую он не снимал, переступая порог дома.

– Привет, – сказал он, сухо коснувшись губами её щеки. Его губы были холодными, как мрамор.

– Привет. Я... я приготовила ужин. Поздравляю с нашей годовщиной.

– Да, конечно, – он скинул пиджак, бросил его на спинку стула в прихожей (он всегда так делал, и это всегда её раздражало, этот жест пренебрежения к порядку, который она пыталась создать), прошёл в спальню. Вернулся в старых поно-

шенных спортивных штанах и футболке с выцветшей надписью какого-то университетского факультета. Увидел свечи, накрытый стол, её в том самом платье. На его лице мелькнуло что-то неуловимое – не радость, не удивление, а скорее смущение и лёгкая, едва заметная досада, как будто он застал её за чем-то нелепым, детским, непрактичным. – Ого. Ты... ты так старалась.

«Ты так старалась». Эти слова прозвучали не как комплимент, а как констатация факта, как констатация ненужного, избыточного усилия. Как будто она зря потратила время. Как будто их годовщина не стоила этих усилий.

– Это же наша годовщина, Леон, – тихо напомнила она, и голос её дрогнул, выдав то напряжение, которое копилось в ней весь вечер. – Двадцать лет.

– Да, конечно, двадцать, – он сел, потянулся к салату из рукколы и груши. – Время летит.

Время летит. Банальность, от которой сжалось сердце. Да, время летело. Уносило с собой обрывки разговоров, редкие прикосновения, общие мечты. Оставляя после себя вот это: двоих людей, жующих салат под меланхоличные звуки саксофона, которые теперь казались насмешкой, саундтреком к немому фильму о двух незнакомцах за одним столом.

Он ел быстро, почти не глядя на неё, поглощённый своими мыслями, ускользя в привычное, безопасное пространство внутренних расчётов, куда ей доступа не было. Потом

отложил вилку, сделал глоток вина и, не глядя, достал из портфеля, стоявшего у его ног, конверт.

– Держи. Я думал, это тебе понравится. Чтобы ты могла расслабиться, отдохнуть. Ты много работаешь.

Она взяла конверт. Он был тяжёлым, плотным. Элегантный шрифт, тиснение: «Подарочный сертификат. День спаритуала для одного. Отель «Ведана». Стоимость: 500 евро».

«Расслабиться». «Отдохнуть». Для него она была прибором, у которого села батарейка, механизмом, который начал скрипеть. Её усталость, её опустошённость, тот внутренний холод, который она чувствовала всё чаще, – всё это было для него технической неисправностью, которую можно устранить за деньги, передав в руки специалистов по «релаксации» и «уходу». В этом жесте не было ничего личного, ничего от него, от Леона, который когда-то писал ей глупые любовные записки на обрывках чертежей и дарил засушенные цветы, найденные в книгах. Была только холодная, безликая функциональность. Он купил ей «услугу», как покупал бы ремонт холодильника. Её душа для него стала бытовой техникой, требующей профилактики.

Слёзы, острые и солёные, подступили к горлу, но она с усилием проглотила их, вместе с комом горькой обиды и разочарования. Она смотрела на конверт, и буквы на нём расплывались.

– Спасибо, – выдавила она, глядя не на него, а на колебание пламени свечи между ними. Это пламя было живее, чем они. – Это очень... практично. Продуманно.

– Не за что, – он уже взял в руки свой планшет, щёлкая по экрану, проверяя почту. – Ты заслужила.

«Заслужила». Как сотрудник года за усердный труд. Она заслужила не сертификат, а взгляд. Слово. Признание. Хотя бы простое «я скучал по тебе сегодня». Но она получила то, что заслужила согласно его внутреннему тарифу: услугу стоимостью в пятьсот евро.

Её взгляд, ища спасения, спасения от этого удушья, нашёл на полке в гостиной фотографию её родителей. Эрика и Ульрих, обнявшись, смеются на палубе парома, их седые волосы развеивает норд-ост с Северного моря. На их годовщину свадьбы отец, человек предельно практичный, инженер-электрик на пенсии, подарил матери не сертификат в салон, не ювелирное украшение, а самодельный скворечник в виде их первого домика. Кривой, смешной, собранный с огромной любовью и полным отсутствием столярных навыков. Мама плакала тогда от счастья, а потом они вместе повесили его в саду, и каждый год в нём селились птицы. Подарок отца был несовершенным, как их жизнь, но он был частью его, частью их общей истории. А этот бледно-бежевый конверт не имел к ним никакого отношения.

В тот момент Вики поняла с ясностью, режущей как оско-

лок стекла: они с Леоном говорят на разных, непересекающихся языках. Её язык – язык намёков, памяти, символов, жестов – для Леона стал просто фоновым шумом, помехами в эфире, которые можно отфильтровать, чтобы не мешали работать. Он перестал её слышать. И, что страшнее, перестал хотеть слышать.

Она не доела свой ужин. Встала, стала молча убирать со стола. Он не предложил помочь. Сидел с планшетом, погружённый в виртуальный мир цифр и схем, который был для него реальнее, чем живая женщина, плачущая беззвучными слезами у раковины. Она смывала в раковину не только остатки еды, но и последние крохи надежды.

На следующее утро, когда он уже уехал на работу, раздался звонок на домашний телефон. Вики, уже собиравшаяся выходить, подняла трубку. Голос матери всегда был как глоток свежего воздуха.

– Вики, солнышко моё! Ты не поверишь! – Голос её матери, Эрики, звенел, как колокольчик, в нём слышались смех и ветер. – Мы с папой сорвались! Совсем! Взяли в последнюю минуту путёвку в Альпы, в тот самый старый домик в Оберстдорфе, где были на медовый месяц! Сорок пять лет спустя! Представляешь?

– Мама, как здорово! – воскликнула Вики, и радость за родителей была искренней, острой, как укол, от которого на

глаза навернулись слёзы. Но теперь это были слёзы другого рода. Зависти? Нет. Тоски по тому, что могло бы быть.

– Мы уже чемоданы собираем! Уезжаем завтра утром! Но, Вики... мы волнуемся за Ганса и оранжерею. Он стареет, бедный, и розы без полива... Ты же не дашь нашим красавицам пропасть? Всего на две недели! Ключ, как всегда, под синей плиткой у задней двери.

Это был не просто звонок. Это была спасательная шлюпка, посланная самой судьбой или, может быть, провидением, в котором ещё теплилась вера её матери. Побег. Побег от этой квартиры-склепа, от этого молчания, которое давило сильнее любых слов, от самой себя, которую она в этом доме больше не узнавала. Побег в единственное место на земле, где ещё сохранилась память о том, какой может и должна быть любовь. В музей счастливого брака, в архив живой нежности, куратором которого ей предстояло стать на четырнадцать дней.

Она почти бегом собрала чемодан. Взяла самое необходимое. И несколько книг, которые давно хотела прочесть. Написала Леону смс, сухое и деловое, как и все их коммуникации в последнее время: «Взяла отпуск. Уезжаю к родителям на две недели, присмотреть за домом. Еда в холодильнике, счёт за электричество оплачен. Лие перевела деньги.»

Он ответил почти мгновенно, с той же мёртвой эффективностью: «Хорошо. Отдохни. Позвони, когда доедешь.»

Дежурные фразы из разговорника для вежливых чужаков. Ни тени сожаления, ни вопроса «зачем?», ни намёка на то, что он будет скучать. Между строчками – только пустота. Та же пустота, что наполняла их квартиру, её сердце. Она положила телефон в сумку, взяла чемодан и вышла, не оглядываясь. Дверь закрылась с тихим щелчком, словно ставя точку в одной главе её жизни. Она не знала, будет ли следующая.

Глава 4: Архив живой нежности

Дом её родителей в Шварцвальде, в маленькой деревушке в двух часах езды от Фрайбурга, встретил её не просто запахами – это была целая симфония памяти. Запах старых яблок из погреба, смешанный с ароматом корицы из открытой банки на кухне. Запах пчелиного воска, которым мама натирала деревянную мебель, и едва уловимый запах дыма из камина, который топили даже в прохладные осенние вечера. Этот дом был не постройкой из кирпича и дерева, а живым существом, выросшим из любви двух людей, дышащим их дыханием, хранящим эхо их смеха и шёпота.

Вики оставила чемодан в прихожей и прошлась по комнатам, как исследователь, впервые входящий в древний, нетронутый храм. Каждый предмет здесь был артефактом, свидетельством их совместной жизни, длиной в сорок пять лет.

В холодильнике, на верхней полке, стояли две банки домашнего варенья. На одной, со сливовым, на малярном скотче было выведено крупными буквами: «Для моего зануды

Ульриха. Сливовое. Сварено 15.09. Без комков (надеюсь! Проверь сам!). Любящая, Э.» На второй, с клубничным: «Для моей сладкоежки Эрики. Клубничное. С целыми ягодами и всей моей любовью. 15.09. Твой У.» Они даже варенье варили вместе, отмечая это как событие, как праздник. Не просто «заготовки на зиму», а акт совместного творчества и заботы друг о друге. Вики провела пальцем по неровным буквам отца. Всей моей любовью. Как просто и как невозможно.

На книжной полке в гостиной, в старом потрёпанном томе «Будденброков» Томаса Манна, лежала закладка. Не купленная в магазине, а самодельная – обрывок географической карты окрестностей Фрайбурга. На полях, возле какого-то лесного озера, почерком отца было выведено: «Здесь мы с Э. заблудились 12.08.1985, ища грибы. Нашли ту самую заброшенную лесную часовню. Дождь, мокрая одежда, термос с холодным чаем. И самый счастливый, самый смешной день того лета. У.»

Вики прижала листок к груди. Они не просто жили вместе. Они собирали свою жизнь, как драгоценные камешки и бережно хранили каждый. А она с Леоном что собрали? Папки с счетами? Отчёты об успеваемости Лии? Распечатки ипотечных платежей?

И фотографии. Их было повсюду. Не постановочные портреты в рамках, а живые снимки, развешанные на стенах, стоящие на полках, на комодe. Вот они, молодые, дурачат-

ся перед камерой, корчат рожи на каком-то карнавале. Вот мама, с полотенцем на голове, красит кухню, а папа, весь в брызгах краски, смеётся, обнимая её за талию. Вот они уже седые, морщинистые, сидят на той самой скамейке в оранжерее и просто смотрят друг на друга, и в их взгляде – целая вселенная понимания и тихой радости. Как? – мучил Вики один и тот же вопрос, болезненный и навязчивый, – Как им удалось это сохранить? Что они знали такого, чего не знаем мы с Леоном? В какой момент мы свернули не туда? Когда перестали быть «мы» и стали просто двумя людьми, живущими под одной крышей?

Кот Ганс, пушистый рыжий философ лет десяти, встретил её как давнего знакомого, лениво потянулся, зевнул, показав розовое нёбо и острые клыки, а потом, не спеша, подошёл и уткнулся мордой в её ногу, требуя внимания. Она села на диван, и он немедленно устроился у неё на коленях, заглушённо мурлыкая, словно говоря: «Ну, и что ты здесь забыла, городская? Приехала порыдать в тишине? Ну, давай, я выслушаю.»

А потом была оранжерейка. Небольшая стеклянная пристройка к дому с южной стороны, вселенная её матери Эрики. Здесь, вопреки поздней осени и предгрозовой тяжести воздуха, ещё держались, цеплялись за жизнь последние розы. Сорта, которые мама с любовью подбирала и выхаживала годами. «Глория Дей» – пышные, кремово-жёлтые бутоны. «Ностальжи» – нежно-розовые, с сильным ароматом.

«Леонхард» – тёмно-алые, почти бархатные, с лёгким запахом перца. Каждый куст был памятной стелой, живой летописью их семьи. «Леонхард» отец посадил в тот тяжёлый год, когда мама перенесла сложную операцию на сердце. «Чтобы у тебя были силы цвести, моя роза», – сказал он тогда, подавая ей горшок с ещё маленьким, колючим саженцем. И мама, бледная, исхудавшая, плакала, прижимая к лицу колючий стебель, а потом посадила его здесь, в самом тёплом углу. Теперь это был мощный, раскидистый куст, каждый год усыпанный алыми цветами – немymi свидетелями победы любви над болезнью.

Вики села на старую, которая скрипнула под ней, как будто вздохнула. И она, Вики, взрослая женщина, успешный редактор, мать взрослой дочери, тихо, беззвучно заплакала. Не от жалости к себе, а от всепоглощающего, удушающего стыда. Она допустила, чтобы её собственный сад засох. Чтобы сорняки равнодушия, молчания, взаимных невысказанных упрёков заглушили всё, что когда-то цвело между ней и Леоном. Где был их «Леонхард»? Где их общие, выстраданные цветы? Что она сделала не так? Была недостаточно терпеливой? Недостаточно красивой, умной, интересной? Или просто... недостаточно любящей? Может, она сама разучилась любить? Может, любовь – это навык, который атрофируется без практики, как мышца? И она позволила ей атрофироваться, закутавшись в удобное одеяло привычки и быта.

Вечером, когда она сидела на кухне с чашкой чая, пыта-

ьясь читать книгу, зазвонил её мобильный. Юлиана. Подруга со времён университета, теперь мать троих гиперактивных детей и жена успешного дантиста.

– Вики! Привет! Я только вспомнила, ты же у родителей в Шварцвальде! Ну как тебе? Отрываешься по полной? Тишина, покой, природа... можно наконец книжку почитать не по две страницы перед сном, да ещё и в тишине! Я бы на твоём месте век там жила, честное слово!

– Да, тихо, – сказала Вики, чувствуя, как пропасть непонимания зияет между ними, широкая и холодная. Юлиана не видела этой тишины изнутри. Она видела только оболочку – покой, природу.

– Представляю! Никто не кричит «мам!», не нужно готовить ужин на пятерых, разнимать драки, проверять уроки... Боже, это же просто мечта! Я тут с ума схожу, у младшего опять зубы режутся, не спит ночами...

– Да... мечта, – повторила Вики, понимая, что её тоска, её душевная боль, её голод по простому человеческому теплу, по тому, чтобы её видели, слышали. Для Юлианы, уставшей от быта и вечной суеты, – непозволительная роскошь, каприз избалованной женщины, у которой «всё есть». «У тебя же всё есть: красивый умный муж, дочь-умница, карьера, квар-

тира. Чего тебе ещё надо?» – сказала бы Юлиана. И была бы по-своему права. С точки зрения внешнего наблюдателя, у Вики действительно было всё. Кроме одного. Кроме ощущения, что она живёт, а не существует. Что её сердце ещё бьётся, но в её жизни давно нет музыки, под которую хотелось бы танцевать.

Она положила трубку, и тишина дома снова сомкнулась над ней. Но это была иная тишина, не та, что в Гамбурге. Здесь, в этом доме, тишина была не врагом, а союзником. Она была полной, глубокой, но не пустой. Она была наполнена невысказанными, но понятными вещами. Эхом шагов по коридору, скрипом половиц, шепотом страниц в книгах на полках, тихим мурлыканьем Ганса у камина. Здесь тишина была живой. Она обнимала, а не душила. Вики глубоко вздохнула и впервые за долгие месяцы почувствовала, как каменная глыба на груди слегка сдвинулась, дав ей глотнуть воздуха.

Глава 5: Раскопки на антресоли прошлого

Квартира в Гамбурге без Вики оказалась не просто тихой. Она оказалась оглушительно пустой. Первые два дня Леон наслаждался внезапно свалившейся на него анархией. Он ел прямо у раковины, стоя, глядя в окно на огни порта. Смотрел футбольные матчи на большой громкости, не стесняясь выкрикивать комментарии. Ложился спать далеко за полночь, а утром не заправлял кровать. Он был словно подросток,

оставшийся дома один на каникулах. Свобода! Та самая, о которой говорил Томас. Но почему-то вкус у этой свободы был горьковатым, как дешёвое пиво.

Но к вечеру третьего дня что-то изменилось. Тишина приобрела иное, пугающее качество. Она стала материальной, почти осязаемой. Она давила на барабанные перепонки, заполняла комнаты не просто отсутствием звука, а присутствием ничего. Ни её шагов на кухне, ни шума компьютера из её кабинета, ни даже того едва слышного вздоха, который она издавала, когда уставала. Он ловил себя на том, что прислушивается к этим отсутствующим звукам. Он включал телевизор для фона, но голоса дикторов и актёров были чужими, навязчивыми. Ему не хватало её тихого присутствия. Просто знания, что она где-то тут.

После ужина (разогретая пицца, которую он купил по дороге) он, сам не зная зачем, зашёл в комнату Лии. Комната сохранилась практически в том виде, в каком дочь оставила её, уезжая в Берлин два года назад. Постель застелена, на столе – компьютер, накрытый чехлом, несколько книг по искусству, пара фломастеров. Чисто, пусто, законсервировано, как экспонат в музее подросткового периода их дочери. Он поймал себя на мысли, что и вся их квартира стала похожа на музей. Музей идеальной, но безжизненной семьи.

На столе, прислонённая к монитору, стояла открытка. Акварельный скетч их гамбургской квартиры, сделанный рукой Вики на выпускной дочери. Вики когда-то увлекалась аква-

релью, у неё был лёгкий, воздушный стиль. На открытке был изображён их дом – не фотографически точно, а каким-то тёплым, немного сказочным. На обороте её округлый, твёрдый, узнаваемый почерк: «Наш маяк. Возвращайся, когда захочешь. Любим. Мама и папа».

Леон взял открытку в руки. Он смотрел на слово «любим», написанное во множественном числе, от имени их обоих, и не чувствовал себя частью этого «мы». Он был формальным соавтором этой фразы, но не автором чувства, которое за ней должно было стоять. Когда они подписывали эту открытку? Он даже не помнил. Наверное, Вики подписала, а он просто поставил свою закорючку внизу, не глядя, думая о чём-то другом. О работе, о мосте, о счёте за электричество. Он всегда думал о чём-то другом. О чём-то более важном. А самое важное ускользало у него между пальцев, как песок.

Он поставил открытку на место и вышел из комнаты как лунатик, с тяжёлым, тёмным чувством в груди. Ноги сами понесли его дальше по коридору, к двери, которую он не открывал уже... он даже не мог вспомнить, когда в последний раз заходил в её кабинет. Это была её территория. Как и кухня была её территорией. А гостиная? Ничья земля. А их спальня? Место для сна. Они давно разделили пространство, даже не заметив этого. Он толкнул дверь.

Комната пахнула ею. Бумагой, её духами, лёгкой пылью на книгах. Он сел в её кресло, кожаное, старое, с потёртой спинкой. Оно скрипнуло под ним. На столе царил творче-

ский, но упорядоченный хаос: стопки корректуры, папки с иллюстрациями, графический планшет, несколько карандашей в жестяной банке. Он взял один карандаш. Он был заточен идеально, остро. Она всегда всё делала идеально. А он принимал это как данность.

Почти машинально он потянулся к верхнему ящику стола. Он не рылся в её вещах. Это было бы нарушением негласных границ, которые они установили между собой годами. Но сейчас... сейчас эти границы казались ему тюремными стенами. И ему отчаянно нужно было найти ключ. Ключ к ней. Ключ к тому, что с ними случилось. Может, ответ лежал здесь, среди её бумаг?

В ящике лежал старый, потрёпанный путеводитель «Baedeker» по Португалии. Он открыл его наугад. Страницы пожелтели от времени. На развороте, посвящённому Порту и его знаменитому мосту Луиша I, его собственная, более молодая и размашистая рука вывела на полях карандашом: «Арочный, 1886 г. по проекту Теофила Сейрига. Интересное инженерное решение с двумя ярусами – для пешеходов/повозок и для поездов. Пролёт 172 м, высота 44,6 м.» А рядом, теснее, её аккуратным, округлым почерком, тоже карандашом: «А в погребке на улице Святого Иоанна, 12, говорят, пробуют портвейн с тёмным шоколадом и местным сыром. Надо будет обязательно зайти. И посмотреть на закат с верхнего яруса моста.»

«Надо будет». Они так и не доехали до Порта. Отложили –

у Вики была сложная беременность. Потом – маленькая Лия. Потом – его большой проект, кризис на работе у неё, ремонт в квартире... Жизнь, с её бесконечным списком «срочных» дел, вытеснила это «надо будет» куда-то на самую дальнюю полку памяти. И вот оно лежало здесь, в виде карандашной пометки в старом путеводителе. Он провёл пальцем по её почерку. Она хотела посмотреть на закат с моста. А он думал только об инженерном решении. Он всегда думал о решении, а не о моменте.

Рядом с путеводителем лежала брошюра мастер-класса по керамике. Та самая, на которую она ему показывала несколько месяцев назад, говоря с каким-то застенчивым, почти детским энтузиазмом. «Представляешь, Леон, можно будет сделать свою чашку. Своими руками». К брошюре был прикреплён стикер с её же почерком: «Оплатить до 15.10. Не забыть!» Дата была перечёркнута. Счёт не оплачен. Она не поехала. Он спросил тогда: «Ну что, поедешь?» Она пожала плечами: «Дороговато. Да и времени нет». А он просто кивнул. Не сказал: «Поезжай, я оплачу». Не сказал: «Это важно для тебя». Он просто кивнул. И забыл. Как забыл обо всём, что было важно ей.

И тут его взгляд, блуждающий по столу, упал на картонную коробку на верхней открытой антресоли над стеллажом. Небольшую, серую, задвинутую далеко вглубь, так что её почти не было видно. Что там? Старые журналы? Бумаги? Любопытство, смешанное с каким-то смутным предчувствием,

заставило его встать. Он придвинул стул, встал на него. Коробка была пыльной. Он с трудом поддел её пальцами и стащил вниз.

Внутри – хаос памяти. Не систематизированный, как в доме её родителей, а сброшенный в одну кучу, как ненужный хлам. Старые фотографии (они печатали их тогда, в нулевых), билеты в кино на фильмы, названия которых он уже забыл, сломанная фарфоровая собачка – подарок Вики на их первую встречу (он случайно уронил её, когда переезжали в эту квартиру), засушенный цветок (роза? откуда?). И на самом дне, под слоем бумаг, – свёрток, завёрнутый в пожелтевший лист газеты.

Сердце его почему-то забилось чаще. Он развернул газету.

Свитер. Тот самый. Цвета хвойного леса зимой, тёмно-зелёный, почти изумрудный в складках. Связанный толстой, колючей шерстью. Неровный, с одной спущенной петлёй на правом рукаве – той самой, которую она так и не смогла идеально исправить, и они вместе смеялись над этим, называя эту петлю «авторской подписью», «визитной карточкой мастерицы». Он не носил его лет, наверное, пятнадцать. Последний раз, кажется, на каком-то пикнике с Лией, когда та была маленькой. Потом свитер стал казаться ему неуместным, слишком простым, «не соответствующим образу» успешного инженера, которому нужно одеваться в определённом стиле. Он сменил его на дорогие кашемиро-

вые джемперы, купленные в универмагах. Он выбросил эту часть себя. Часть, которая была связана с ней.

Леон взял свитер в руки. Он был тяжёлым, плотным. Он прижал его к лицу, закрыв глаза, и глубоко вдохнул. Запах. Затхлый, пыльный, но под ним – едва уловимая, призрачная нота. Не тех её нынешних духов с сандалом, а тех, самых первых, которые она носила, когда они познакомились, – лёгких, весенних, с ароматом ландыша и дождя. Запах их первой совместной весны, запах надежды, их запах, какими они были – молодыми, глупыми, безумно влюблёнными.

И тут волна нахлынула на него с такой силой, что он едва удержался на ногах. Он вспомнил всё. Вспомнил, как она вязала этот свитер долгими зимними вечерами, пока он работал над дипломным проектом. Вспомнил, как она сердилась, когда петля сбегала, и он, отрываясь от чертежей, смеясь, помогал ей распутать клубок. Вспомнил, как она замерла, когда он впервые его надел. «Идёт?» – спросил он. Она кивнула, и глаза её блестели. «Ты в нём... настоящий», – сказала она. Он тогда не понял, что она имеет в виду. Понял только сейчас. Настоящий. Не инженер Леон Браун. А просто Леон. Её Леон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.